

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУМЫНИИ В ПЕРИОД МЮНХЕНА

А. А. Шевяков

Правящие круги королевской Румынии, будучи тесно связанными с правительствами Англии и Франции, играли весьма заметную роль в той линии международной политики, которая воплотилась в позорных мюнхенских соглашениях. Уже накануне Мюнхена правители Румынии встали на путь пересмотра своей внешней политики. Попытки отдельных румынских политических деятелей установить с СССР и другими миролюбивыми странами единый фронт борьбы против фашистской агрессии потерпели неудачу. После изгнания Н. Титулеску с поста министра иностранных дел (август 1936 г.), прихода к власти профашистского правительства Гоги — Кузы и установления королевской диктатуры начала четко вырисовываться политическая линия правящих кругов Румынии, учитывавшая интересы как гитлеровской Германии, так и «западных демократий».

Основные моменты внешнеполитического курса Румынии в межвоенный период в определенной степени уже нашли свое отражение в работах советских историков¹. Этим вопросам значительное внимание уделяют также историки социалистических стран². Деятельность румынской дипломатии в этот период продолжает вызывать пристальный интерес буржуазных историков³. Нельзя не обратить внимания на вышедшие на Западе работы бывших политических деятелей королевской Румынии — Г. Гафенку, Н. Петреску-Комнена и других, которые фальсифицируют позицию румынского правительства в отношении аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса, пытаются доказать «невинов-

¹ С. Э. Левит. Захватнические планы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны. «Ученые записки» Молдавского филиала АН СССР. Т. VI. Кишинев. 1957; А. А. Язькова. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963; А. А. Шевяков. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев. 1963; его же. Внешняя политика Румынии после Мюнхена. «Новая и новейшая история», 1968, № 5; Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М. 1968; Б. М. Колкер. Румынское правительство и мюнхенский договор. «Балканский исторический сборник» I. Кишинев. 1968.

² J. Benditer. Atitudinea guvernului român față de Cehoslovacia în lunile premergătoare Münchenului. «Studii», 1956, № 5; A. Niri. Istoricul unui tratat înrobitor. București. 1965; T. Georgescu. Nicolae Jorga împotriva hitlerismului. București. 1966; S. Voicu. Pagini de luptă a Partidului Comunist Român împotriva fascismului, pentru independența și suveranitate națională (1934—1940). «Lupta de clasă», 1966, № 6; E. Campus. Mica înțelegere. București. 1968; C. Popișteanu. România și Antanta balcanică. București. 1968; «Внешняя политика Чехословакии». Сборник статей. М. 1959; Z. Fierlinger. Ve službách ČSR. Vol. I—II. Praha. 1949—1951; V. Král. Rumunsko a průhod Rude Armady na pomoc Československy v roce 1938. «Slovensky přehled», 1966, № 6; K. Aladar. Magyar ország külpolitikája a második világhabartúelőstejen (1938 november — 1939 szeptember). Budapest. 1963; H. Batowski. Kryzys dyplomatyczny w Europie. Jesień 1938 — wiosna 1939. Warszawa. 1962; A. Ort. München und die Kleine Entente. «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938». В. 1959.

³ G. Bonnet. Le Quai d'Orsay sous trois Républiques 1870—1961. P. 1961; «Survey of International Affairs. 1938». Vol. II. L. 1951.

ность» румынских правителей в предательстве Чехословакии. Бывший министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку, выехавший из Румынии вскоре после прихода к власти Антонеску, опубликовал ряд работ, в которых всячески обеляются действия фашистской Германии и румынского правительства. Не меньшее усердие в этих вопросах проявил предшественник Г. Гафенку на посту министра иностранных дел королевской Румынии Н. Петреску-Комнен. Тех же позиций придерживается и бывший генеральный секретарь МИД Румынии А. Крецяну⁴. В вышедшей в 1967 г. книге «Аспекты русско-румынских отношений» реакционная румынская эмиграция снова подняла вопрос о советско-румынских отношениях в период Мюнхена и второй мировой войны⁵. Авторы этого сочинения, так же как и Г. Гафенку, Н. Петреску-Комнен, А. Крецяну, грубо извращают внешнюю политику Советского Союза, стремясь в ложном свете представить советско-румынские отношения в межвоенный период, всячески обеляют реакционную внешнюю политику королевской Румынии.

В данной статье предпринята попытка исследовать позицию правительства и правящих классов королевской Румынии накануне и в период чехословацкого кризиса, показать ее антисоветскую, империалистическую сущность, поскольку эта сторона деятельности буржуазной румынской дипломатии до сих пор не получила еще должного освещения в исторической литературе.

Внешнеполитический курс послевоенной Румынии был тесно связан с политикой западных держав. Миролюбивая политика Советского Союза, его революционизирующее воздействие на борьбу трудящихся всего мира вызвали у правящих кругов Румынии люютую ненависть к первому в мире социалистическому государству. Экономическая и финансовая зависимость от стран Запада еще более усиливала антисоветскую направленность румынской внешней политики и, кроме того, побуждала румынскую дипломатию проводить тактику постоянного лавирования между крупными империалистическими хищниками тогдашней Европы, тактику «игры на двух столах», по выражению Антонеску. Не меньшее значение имело и стремление румынских правителей удержать за собой Советскую Бессарабию, вероломно захваченную в 1918 г., а также другие территории, полученные после второй Балканской и первой мировой войн. Румыно-польский союз 1921 г., Малая и Балканская Антанты, договорные отношения с Францией были тем инструментом, с помощью которого румынские правящие круги старались сохранить существующие границы. Но стремительно развивающиеся международные события середины 1930-х годов, которые могли в любой момент вызвать критическую ситуацию и вокруг Румынии, толкали Бухарест на поиски «более надежных» союзников, чем буржуазно-помещичья Польша и «разлагающаяся» Франция. Их взоры были устремлены на Берлин и Рим, где они надеялись найти еще более верных союзников для проведения своей антисоветской политики.

12 марта 1938 г. гитлеровские войска вторглись в Австрию. Англия и Франция ограничились формальным протестом против аншлюса. Только Советское правительство выступило с решительным протестом против агрессивных действий фашистской Германии, создававших угрозу «политической, экономической и культурной независимости малых народов»⁶.

⁴ G. G a f e n c o. Prelude to the Russian Campaign. L. 1945; e j u s d. Derniers jours de l'Europe. P. 1946; N. P. C o m n e n e. Anarchie, dictature ou organisation internationale. Geneve. 1946; e j u s d. Preludi del grande dramma. R. 1947; A. C r e t z e a n u. The Lost Opportunity. L. 1957; e j u s d. The Soviet Ultimatum to Roumania (26.VI.1940). «Journal of Central European Affairs», 1950, vol. 9.

⁵ «Aspects des relations russo-roumaines. Retrospective et orientations» P. 1967.

⁶ См. «Новые документы из истории Мюнхена». М. 1958, стр. 21.

Своеобразно реагировал на это событие Бухарест. 18 марта 1938 г. в беседе с германским посланником в Бухаресте Фабрициусом Кароль II заявил, что он давно считал аншлюс неизбежной акцией и относится к нему положительно, хотя это серьезно затрагивало интересы Румынии и всех ее союзников в Дунайском бассейне и подрывало устои послевоенного мира в Европе. Глава румынского государства, как замечает германский посланник в Бухаресте, боялся, чтобы акция Гитлера не привела к осложнениям в отношениях Румынии с Великобританией и Францией. При этом он не упустил случая подчеркнуть, что желает укрепления тесных отношений с фашистской Германией⁷. Только Коммунистическая партия Румынии резко осудила действия агрессора «Тот факт,— говорилось в обращении ЦК КПР к народу,— что правительство королевской диктатуры не находит ни слова протеста против оккупации Австрии, до сих пор не заявляет о своем намерении... защищать союзницу Румынии — Чехословакию в случае нападения Гитлера, показывает, что это правительство готовит сдачу Румынии Гитлеру»⁸.

Аншлюс создал благоприятные условия для дальнейшей экономической и политической экспансии фашистской Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Он привел к падению престижа Англии и Франции в правящих кругах стран Дунайского бассейна и усилил там позиции наиболее реакционных и шовинистических элементов, тесно связанных с нацистами. С другой стороны, аншлюс способствовал росту политического влияния фашистской Германии в Юго-Восточной Европе и сыграл важную роль в военно-стратегических планах гитлеровцев. По словам нацистского историка Р. Кругмана, Австрия стала «воротами на Юго-Восток для великой Германии»⁹. Учитывая негласное англо-германское соглашение, вытекавшее из беседы Галифакса с Гитлером в 1937 г. и предоставлявшее третьему рейху возможность «мирными средствами захватить Центральную Европу»¹⁰, фашистское правительство приступило к активным политическим и дипломатическим действиям по подготовке расчленения, а затем и захвата Чехословакии. В осуществлении этих целей не последнюю роль играла королевская Румыния. Ее правители, все больше склоняясь к роли пособников политики как англо-французского блока, так и фашистской Германии, разработали сложную систему внешнеполитических акций.

Используя поражение национал-либералов и национал-царанистов на парламентских выборах в декабре 1937 г., Кароль II призвал к власти профашистское правительство Гоги — Кузы, которое открыто заявило, что оно намерено придерживаться новой внешнеполитической ориентации и добиваться заключения договора о дружбе с Германией и Италией¹¹. Приход к власти данного правительства был встречен в Берлине положительно. С этим событием гитлеровцы связывали большие надежды не только на укрепление своих политических и экономических отношений с Румынией, но и на окончательный развал всей системы союзов, созданных Францией в Центральной и Юго-Восточной Европе. Они не ошиблись в своих надеждах. Правительство Гоги — Кузы, а после установления 10 февраля 1938 г. королевской диктатуры и правительство Мирона Кристи направляли все свои усилия на то, чтобы не допустить каких-либо дипломатических шагов, могущих вызвать недовольство фашистской Германии. Именно этим объясняется тот факт, что королевское правительство отрицательно относилось к

⁷ «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945» (далее — DGFP). Series D. (1937—1945). Vol. V. Washington, 1953, p. 261.

⁸ «Arhiva Comitetului Central al Partidului Comunist din Romania», ab. XXII. 13/1015.

⁹ R. K r u g m a n n. Südosteuropa und Großdeutschland. Breslau, 1939, S. 190.

¹⁰ «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I. Ноябрь 1937—1938 гг. М. 1948, стр. 23, 35—36.

¹¹ «New York Times», 20.I.1938.

любим миролюбивым шагам Советского Союза и его твердому намерению оказать действенную военную помощь Чехословакии в случае фашистской агрессии.

В условиях гитлеровской кампании, направленной на изоляцию Чехословакии и начатой еще задолго до захвата Австрии, Румыния вела, по существу, политику пособничества германской агрессии, содействовавшую срыву мероприятий по защите независимости Чехословакии. Еще летом 1937 г., во время посещения Каролом II Варшавы, начальники генеральных штабов Румынии и Польши в ходе секретных переговоров решили принять все необходимые меры, чтобы воспрепятствовать проходу советских войск через румынскую территорию для защиты Чехословакии. Принимая в августе 1937 г. чехословацкого посланника в Москве, М. М. Литвинов заявил, что, по имеющимся у Советского правительства сведениям, румынский король дал в Варшаве обязательство не пропускать Красную Армию на помощь Чехословакии¹². В ноябре 1937 г., во время встречи Кароля II с Бенешем, как сообщал министр королевского двора Урдаряну германскому посланнику, «король Кароль открыто заявил Бенешу, что Румыния не будет вмешиваться в конфликт между Чехословакией и Германией»¹³. В дальнейшем Кароль II и его советники, среди которых были все бывшие премьер-министры Румынии, а также руководители буржуазных политических партий, решили ввести в конституцию, «дарованную» народу после установления королевской диктатуры, специальную статью (ст. 91), запрещающую проход иностранных войск через территорию королевства и требовавшую издания специального закона в случае необходимости их пропуска. С одной стороны, принятие данной статьи было направлено на то, чтобы показать гитлеровцам решимость Румынии воспрепятствовать проходу советских войск для оказания помощи Чехословакии, а с другой — давало Румынии возможность маневрировать. Такой шаг вполне удовлетворял как англо-французский блок, так и фашистскую Германию. Фашистская пресса с удовлетворением отмечала, что с введением в конституцию указанной статьи Чехословакия лишается последней надежды на помощь со стороны СССР¹⁴.

Небезынтересен в этой связи ответ министра иностранных дел Румынии Г. Татареску в марте 1938 г. на запрос французского посланника в Бухаресте А. Тьерри относительно пропуска Красной Армии через румынскую территорию. После обмена мнениями с королем Татареску заявил: «В случае конфликта только Германия и Чехословакией договорные отношения Румынии с Польшей и странами Балканского пакта обязывают ее занять нейтральную позицию. В случае вмешательства в конфликт Франции Румыния будет готова, хотя и не обязана, также вмешаться. Но при этом мы должны добиться предварительной договоренности с Польшей. Румыния категорически отказывается разрешить проход русских войск. Однако в случае, если Румыния окажется перед русским ультиматумом, то она никогда не поставит себя в такие условия, которые могли бы привести ее в состояние конфликта с Францией и Чехословакией»¹⁵. Ответ Татареску не оставляет сомнений в том, что румынское правительство не считало нужным обременять себя заботами о защите своего союзника — Чехословакии. Оно исходило при этом из того, что решимость Румынии сохранять верность польско-румынскому договору 1921 г., направленному против СССР, будет положительно оценена как англо-французским блоком, так и фашистской Германией. В этом отношении румынские правители оказались правы.

¹² См. V. K r a l. Op. cit., str. 331.

¹³ DGFP. Ser. D. Vol. II. L. 1950, p. 337.

¹⁴ «Popolo di Roma», 24.II.1938.

¹⁵ N. P. C o m n e n e. Preludi del grande dramma, p. 37.

Когда 17 марта 1938 г. правительство СССР призвало европейские державы принять коллективные меры для пресечения дальнейшей фашистской агрессии и предотвращения мировой войны¹⁶, Румыния солидаризировалась со странами Запада, которые отклонили советское предложение. Надежды Берлина на поддержку румынским правительством германской позиции в чехословацком вопросе оправдались. После аншлюса Австрии, когда положение в Центральной Европе еще больше обострилось, Советский Союз снова поставил вопрос о пропуске советских войск через румынскую территорию в случае, если Гитлер решится напасть на Чехословакию. С этой целью в апреле 1938 г. полпред СССР в Чехословакии С. Александровский посетил Бухарест¹⁷. Но этот визит остался безрезультатным. Известие о новой советской инициативе, как отмечает западногерманский историк А. Хилльгрубер, встревожило гитлеровцев. Они решили еще раз уточнить, насколько твердо румынское правительство в своих намерениях не препятствовать агрессивным действиям Германии против Чехословакии, и одновременно подать правителям Румынии надежды, что Германия может стать гарантом румынских границ. В порядке подготовки нового дипломатического наступления Гитлер, принимая 22 апреля 1938 г. нового румынского посланника в Берлине Р. Джуvara, заявил ему, что у Германии нет территориальных притязаний на Балканах. Одновременно он подчеркнул, что готов гарантировать существующие румынские границы¹⁸. Вскоре после этой беседы румынский посланник встретился с Риббентропом. Последний призвал Румынию включиться в «общеевропейское» дело, чтобы «остановить вал большевизма». В ответ Джуvara заявил, что «истинный румын» ни при каких обстоятельствах «не должен проводить прорусскую политику»¹⁹. Разумеется, все эти беседы носили секретный характер, и мировая общественность могла лишь догадываться об истинных намерениях румынского правительства.

В европейских дипломатических кругах все еще надеялись, что Румыния, будучи союзником Чехословакии по Малой Антанте, проявит определенную заботу о безопасности своего партнера. Однако состоявшаяся 4—5 мая 1938 г. в Синае сессия министров иностранных дел стран Малой Антанты не оправдала этих расчетов. Румыния, как и Югославия, осталась равнодушной к судьбе Чехословакии, которой грозила фашистская агрессия. В ответ на попытку министра иностранных дел Чехословакии Крофты привлечь членов Малой Антанты к обсуждению чехословацкой проблемы министр иностранных дел Югославии М. Стоядинович, поддержанный Петреску-Комненом, заявил, что судетский вопрос является внутренним делом чехословацкого правительства²⁰. Зато на той же сессии министры активно обсуждали вопросы признания странами Малой Антанты захвата Эфиопии Италией, аншлюса Австрии, а также возможности установления сотрудничества с Венгрией, постоянно следовавшей в фарватере германской политики. Того же курса в чехословацком вопросе Румыния придерживалась и в период сессии Совета Лиги Наций в Женеве в первой половине мая 1938 года. Во время состоявшейся там встречи Ж. Боннэ и М. М. Литвинова французский министр спросил, окажет ли Советский Союз помощь Чехословакии, если последняя подвергнется агрессии. М. М. Литвинов дал утвердительный ответ, но попросил своего собеседника узнать мнение бухарестского правительства о возможности пропуска частей Красной Ар-

¹⁶ «Внешняя политика СССР». Т. IV. М. 1946, стр. 334.

¹⁷ «Внешняя политика Чехословакии», стр. 476; DGFP. Ser. D. Vol. II, p. 250.

¹⁸ DGFP. Ser. D. Vol. II, p. 250; vol. V, p. 273; A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden. 1954, S. 18.

¹⁹ «Arhiva ministerului de externe» (далее—АМАЕ). Cazier 86, vol. 39. Telegrama lui R. Djuvara de la Berlin, № 3890 din 26 aprilie 1938.

²⁰ DGFP. Ser. D. Vol. V., pp. 274—275.

мии через румынскую территорию. При встрече с Боннэ Петреску-Комнен по поручению своего правительства ответил, что Румыния «никогда не допустит этого»²¹. Такая позиция вполне устраивала французское правительство. Чтобы выяснить позицию Румынии в чехословацком вопросе, М. М. Литвинов неоднократно беседовал с Петреску-Комненом, но последний, «делая общие декларации о желании развития дружественных отношений, от конкретных тем уклонялся».

В середине мая 1938 г., когда германо-чехословацкие отношения по вине гитлеровцев резко обострились и последовали двухсторонние военные приготовления, вся активность английской и французской дипломатии была направлена на то, чтобы заставить Чехословакию капитулировать перед лицом фашистской угрозы. Такое поведение Англии и Франции не могло не сказаться и на усилении прогерманской, антисоветской и античехословацкой политической линии румынских правящих кругов. Их внешнеполитический курс укреплял и античехословацкую и антисоветскую позицию санационной Польши, которая готовилась совместно с фашистской Германией и хортистской Венгрией принять участие в разделе Чехословакии. Существование этой политики в полном объеме выявилось во время визита главы румынского правительства Мирона Кристи в Варшаву в мае 1938 года. По поводу этого визита М. М. Литвинов 29 мая в телеграмме полпредствам СССР во Франции и Чехословакии сообщал: «Согласно имеющимся у нас сведениям, патриарх Мирон договорился в Варшаве о совместных действиях Польши и Румынии против СССР, в случае попытки Красной Армии прийти на помощь Чехословакии. Это решение будет конкретно оформляться в Варшаве, куда на днях выезжает румынская военная делегация во главе с начальником генштаба Ионеску»²². В период майского кризиса, по сообщению германского посланника в Бухаресте Фабрициуса, Румыния «информировалась Великобританией о каждом этапе кризиса и вместе с последней оказывала давление на Прагу и старалась убедить Бенеша сдать»²³.

Сети заговора против Чехословакии плелись в глубокой тайне. Бухарестские правители, которые приложили немало усилий для срыва коллективных действий в защиту Чехословакии, боялись открыто заявить о том, что они выступают против оказания ей помощи и пропуска советских войск через румынскую территорию. Показательна в этом отношении состоявшаяся 30 мая беседа румынского посланника в Праге Круцеску с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой. Круцеску заявил чехословацкому министру, что румынское правительство не хотело бы делать публичное заявление о том, что оно никогда и ни при каких обстоятельствах не разрешит проход советских войск через свою территорию. Такое намерение, продолжал Круцеску, «диктуется нашим желанием избежать всего того, что могло бы ослабить международное положение Чехословакии, не рискуя ничем, что могло бы повредить добрососедским отношениям, которые мы намерены сохранить с Советами, и, наконец, чтобы не ангажировать заранее и напрасно будущее, так как все должно зависеть в конечном итоге от обстоятельств момента»²⁴. Воздерживаясь от открытого заявления об отказе пропустить Красную Армию, румынская дипломатия рассчитывала поддержать иллюзии относительно того, что румынское правительство может выступить на стороне Чехословакии. С другой стороны, такой своей позицией румынское правительство надеялось воздействовать и на гит-

²¹ «Survey of International Affairs. 1938». Vol. II, pp. 131—132; см. также «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 1, стр. 169.

²² «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 46.

²³ DGFP. Ser. D. Vol. II, p. 337.

²⁴ Б. М. Колкер. Указ. соч., стр. 230—231; см. также Н. Р. Сомнеле. *Preludi del grande drama*, p. 70.

леровцев, чтобы они несколько умилили свои симпатии к хортистской Венгрии, требовавшей пересмотра румынских границ.

Поскольку буржуазное правительство Чехословакии фактически само не хотело воспользоваться военной помощью Советского Союза, Крофта во время той же беседы с Круцеску откровенно сказал ему: «Мы — по крайней мере руководящие круги — не желаем эффективной поддержки русской армии. Мы, однако, хотим, чтобы это не было известно и чтобы возможность советской военной помощи помогла умерить требования Германии. Мы уверены, что если этот призрак будет устранен формально заявлением об отказе со стороны Румынии (пропустить советские войска.— А. Ш.), то ничто не сможет больше остановить немецкое давление на нас»²⁵. Это заявление чехословацкого министра иностранных дел было принято румынским правительством с большим облегчением, ибо теперь оно знало, что открытый официальный отказ пропустить советские войска не требуется.

Таким образом, ничто не мешало румынскому правительству проводить и дальше свою политику пособничества агрессии. В начале июля 1938 г. французский посланник в Бухаресте Тьерри докладывал Боннэ, что румынское правительство, как и раньше, продолжает отклонять предложение о пропуске советских войск²⁶. Правители Румынии не хотели связывать себя определенными обязательствами в отношении Чехословакии. Это подтверждается телеграфным ответом Петреску-Комнена на запрос Крофты о позиции Румынии в отношении пропуска советских войск через ее территорию. Петреску-Комнен сообщил, что «никто не может потребовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск»²⁷. Нажим на чехословацкое правительство имел прямую связь с румыно-германскими и румыно-польскими отношениями. Как сообщал 30 мая 1938 г. советский полпред в Праге С. Александровский, Крофта еще во время майской сессии Совета Лиги Наций получил сведения о заявлениях Румынии в Варшаве и Берлине, что она «не допустит прохождения Красной Армии по своей территории ни при каких условиях», и даже об ее угрозах вместе с Польшей объявить войну СССР, если тот попытается перебросить на помощь Чехословакии свои войска через румынскую территорию²⁸. Вся деятельность румынских правителей в рассматриваемый период давала Гитлеру и его пособникам в Лондоне и Париже возможность считать, что Бухарест далек от мысли помешать их империалистическим планам в чехословацком вопросе.

Майский кризис 1938 г. не перерос в войну благодаря прежде всего твердой позиции СССР, выступившего в защиту Чехословакии. О решимости Советского правительства дать отпор агрессору сообщила 26 мая газета «Известия». Гитлеровцы не могли не считаться с этим заявлением, как и с готовностью чехословацкого народа отстаивать независимость своей страны. Определенную роль в сдерживании агрессора сыграла также прогрессивная общественность всего мира, ставшая на сторону Чехословакии²⁹. Кроме того, у нацистов не было полной уверенности относительно позиции румынского правительства. Гитлер не считал возможным безоговорочно полагаться на неоднократные заявления Бухареста о симпатиях к Германии. Он допускал, что румынские правители могут, как это неоднократно бывало с ними в международных

²⁵ Б. М. Колкер. Указ. соч., стр. 231.

²⁶ G. Vonnet. Op. cit., p. 163; «Survey of International Affairs, 1938». Vol. II, p. 276.

²⁷ «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I, стр. 169.

²⁸ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 39, 46—47.

²⁹ В одной только Югославии в период майских событий в Чехословакии 60 тыс. добровольцев заявили о готовности сражаться в рядах чехословацкой армии против смертельных врагов славянства — германских империалистов (см. В. К. Волков. Германско-югославские отношения и развал Малой Антанты. М. 1966, стр. 249).

делах раньше, внезапно отказаться от своих заверений и пойти на «глупость» — пропустить советские войска через румынскую территорию.

По мере того, как росла готовность англо-французских правителей пожертвовать Чехословакией ради своих империалистических целей, румынское правительство все более открыто принимало германскую сторону в чехословацком вопросе. 14 августа при встрече с Бенешем румынский посланник в Праге Круцеску советовал чехословацкому правительству ради нормализации отношений с фашистской Германией добиться «во внешнеполитическом аспекте некоторого ослабления отношений с Советами, а внутри страны более примирительного настроения общественного мнения, которое сегодня смотрит в сторону Москвы и занимает резкую антигерманскую позицию»³⁰. После майского кризиса Румыния стала чинить препятствия даже перелету советских самолетов в Чехословакию. Зато румыно-германские отношения летом 1938 г. продолжали укрепляться, особенно в экономической области. Кроме поставок, предусмотренных торговым соглашением от 6 декабря 1937 г., румынское правительство по требованию германской стороны взяло на себя обязательства поставить Германии большое количество зерна и авиационного бензина в обмен на зенитные пушки и другое вооружение и снаряжение. Значительно окрепли и румыно-польские отношения, что также было выгодно Гитлеру. Румыния более активно, чем раньше, стала поддерживать югославскую политику, направленную на усиление германских позиций на Балканах.

После майского кризиса румынское правительство продолжало официально вести двойную игру в вопросе о Чехословакии, заискивая поочередно то перед фашистской Германией, то перед Англией и Францией. В конечном счете такая политика привела правителей Румынии к тому, что они дали гитлеровцам обязательство сохранять благожелательный нейтралитет. В этом отношении характерно заявление, сделанное 29 июня 1938 г. румынским военным атташе в Будапеште. «В случае, если Германия нападет на Чехословакию с венгерской территории, — констатировал он, — страны Малой Антанты не будут угрожать Венгрии. В случае участия венгерских войск в военных действиях вместе с немецкими бухарестское и югославское правительства смогут мотивировать свой нейтралитет тем, что нападение на венгерскую территорию, оккупированную немецкой армией, будет, по существу, действием не против Венгрии, а против Германии»³¹. 21—23 августа 1938 г. в Бледе (Югославия) состоялась сессия министров иностранных дел стран Малой Антанты. На нее была впервые приглашена хорватская Венгрия. В нарушение Трианонского договора совещание приняло решение предоставить последней равные права в вопросах вооружения. Решения сессии, принятые в первую очередь по настоянию Румынии и Югославии, окончательно подорвали устои Малой Антанты и еще шире открыли ворота для гитлеровской агрессии на Балканы. Положительное отношение фашистских диктаторов к решению участников Малой Антанты отчетливо выражено в записях Чиано. «Хорошие вести из Бледа... — отметил он 24 августа. — Бледская встреча означает новую фазу в разрушении Малой Антанты. Чехословакия изолирована. Система французских союзов окончательно опрокинута»³².

Посылка в конце июля в Чехословакию английского правительственного эмиссара лорда Ренсимена, который должен был содействовать в ходе своей «посреднической» миссии передаче значительной части чехословацкой территории — Судетской области — Гитлеру, была

³⁰ AMAE. Cazier 3, vol. 2. Raportul confidential № 2130 de la Praga din 14 august 1938.

³¹ «Studii», 1956, № 5, pp. 11—12.

³² G. C i a n o. Ciano's Diary. L. 1948, p. 146.

осуществлена не без учета позиции Румынии³³ и другого союзника Чехословакии по Малой Антанте — Югославии. Советский Союз, продолжая предпринимать меры для отпора агрессору, снова поставил вопрос о пропуске своих войск и перелете советской авиации через румынскую территорию. 13 августа 1938 г. правительство Румынии дало понять через каналы французской дипломатии, что оно «закроет глаза» на полеты советских самолетов на высоте 3 тыс. м и выше³⁴, но при этом умолчало о возможности пропуска войск. Что касается разрешения полетов советских самолетов на указанной высоте, то здесь расчет был прост: для зенитной артиллерии высота свыше 3 тыс. м была тогда просто недостижима, и в случае протеста со стороны Берлина румынские правители именно этим и надеялись оправдаться. Чтобы решить, наконец, вопрос о пропуске советских войск для оказания помощи Чехословакии, Советское правительство попыталось еще раз убедить французское правительство воздействовать на Бухарест и Варшаву. В ответ на это Боннэ 1 сентября 1938 г. уведомил М. М. Литвинова, что французский МИД не смог добиться от Румынии и Польши положительного ответа³⁵. В действительности, как теперь известно, Париж не обращался к правительствам этих стран с требованием положительно решить вопрос о переброске советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии, а ограничился лишь постановкой такого вопроса перед Бухарестом и Варшавой.

При создавшихся обстоятельствах Советское правительство решило использовать Лигу Наций, очередная сессия Совета которой должна была состояться в десятых числах сентября. М. М. Литвинов в беседе с французским поверенным в делах Пайяром 2 сентября заметил, что «если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига Наций вынесет решение об агрессии»³⁶. Однако при встрече с Боннэ Петреску-Комнен заявил, что даже решение Лиги Наций о наличии германской агрессии не заставит румынское правительство пересмотреть свою позицию. Комнен далее сказал, что последняя вытекает из союзнических обязательств, которыми его страна связана с Польшей и Югославией (имелись в виду обязательства по Варшавскому договору 1921 г., а также договорные отношения в рамках Малой Антанты и Балканского союза). «Если же русские попытаются пройти, — подчеркнул он, — Румыния при поддержке Польши будет защищаться»³⁷. На дипломатическом языке это означало объявить войну Советскому Союзу. Враждебная СССР позиция румынского правительства объяснялась, кроме того, тем, что проход Красной Армии через румынскую территорию оно считало делом более опасным по социально-политическим последствиям, чем раздел Чехословакии и приближение рейха к границам Румынии. Ее правители уверяли германских дипломатов, что Румыния не связана никакими договорами о вступлении в войну из-за Чехословакии и что она при всех условиях хочет остаться в стороне от конфликта. Но нейтралитет ими понимался своеобразно, как выгодное предпринятие, как политический и военный торг: румынские власти надеялись заработать хороший куш на поставках нефти, угля, хлеба и жиров воюющим странам³⁸.

Антисоветскую и античехословацкую политику поддерживали все реакционные силы Румынии — от «Железной гвардии», являвшейся немецкой агентурой, до национал-царанистских «демократов» во главе

³³ «Studii», 1956, № 5, p. 13.

³⁴ «Survey of International Affairs, 1938». Vol. II, pp. 278—281.

³⁵ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 68—69.

³⁶ Там же, стр. 70—71.

³⁷ «Survey of International Affairs, 1938». Vol. II, p. 280; G. Bonnet. Op. cit., pp. 201—203, 303.

³⁸ A. Hillgruber. Op. cit., S. 22.

с изворотливым буржуазным политиком Ю. Маниу. Вот что писал Г. Охэбяну, один из лидеров царанистов и племянник Ю. Маниу, о политической линии правящих кругов: «Румыния может и должна... в случае необходимости любой ценой воспрепятствовать распространению большевизма... Мы не заключили договора о союзе с Россией. Очень хорошо! Мы не стали связывать судьбу Румынии с Россией. Очень хорошо! Мы не даем разрешения на проход русских войск через нашу страну. Очень хорошо»³⁹. Курс Румынии, равно как и Югославии, в чехословацком вопросе в трагические дни сентября 1938 г. был плохо замаскированным вариантом политики Англии и Франции. Антисоветская политика бухарестских руководителей активно поддерживалась не только румынской реакционной печатью, но и всеми ведущими газетами Англии и Франции, не говоря уже о германской прессе. Они запугивали правителей Румынии тем, что проход Красной Армии через ее территорию может создать почву для большевизации масс⁴⁰, а может быть, и для политического переворота.

21 сентября 1938 г. М. М. Литвинов выступил на пленарном заседании Лиги Наций и заявил, что Советский Союз готов выполнить свои обязательства перед Чехословакией⁴¹. Советское правительство приняло конкретные шаги на случай оказания экстренной помощи жертве фашистской агрессии. Об этих мерах румынские власти были информированы французскими дипломатами. Предавая интересы Чехословакии, правительства Румынии и Югославии старались этим как бы откупиться от непосредственной угрозы со стороны фашистской Германии и получить экономические выгоды. В этом отношении весьма характерным является мнение румынской дипломатической миссии в Берлине, которая в своей телеграмме от 22 сентября, то есть за неделю до открытия Мюнхенской конференции, рекомендовала своему министру иностранных дел: «Румыния, ни минуты не теряя, должна рука об руку с Югославией осмыслить создавшееся положение, отбросив в сторону всякого рода сентиментализм и особенно так называемые обязательства чести, которые сегодня уже не существуют, поскольку Чехословакия окончательно и бесповоротно вычеркнута из нынешней европейской действительности»⁴². Собственно говоря, это была точка зрения румынского правительства, внешне продолжавшего играть роль «друга» чехословацкого народа. Петреску-Комнен, принимая 27 сентября Фабрициуса, заявил, что румынское правительство постарается убедить Прагу разрешить конфликт в пользу Германии⁴³. Одновременно с поддержкой притязаний гитлеровцев Бухарест активно подогревал агрессивные устремления Польши, требуя от Праги удовлетворения польских территориальных претензий. Об этом красноречиво свидетельствует обмен письмами между Петреску-Комненом и министром иностранных дел Англии Галифаксом в конце сентября 1938 года⁴⁴.

После мюнхенской сделки Англии, Франции, Германии и Италии антисоветские усилия руководящих кругов королевской Румынии были по достоинству оценены западными державами. Активный мюнхенец Ж. Боннэ, имея в виду позицию Румынии во время чехословацкого кризиса, просил Петреску-Комнена передать Каролу II благодарность правительства Франции за важный вклад в мюнхенскую акцию⁴⁵. Так же поступило и английское правительство Чемберлена. Отказ Румынии от

³⁹ G. Oha be ă nu. Drumul politicii. Cluj. 1938, pp. 15—16.

⁴⁰ «La République», 8.IX.1938.

⁴¹ «Известия», 22.IX.1939.

⁴² «Studii», 1956, № 5, p. 15.

⁴³ DGFP. Ser. D. Vol. II, pp. 980—981.

⁴⁴ «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939» (далее — DBFP). 3-d Series. Vol. III. L. 1950, pp. 45—46.

⁴⁵ N. P. Com nene. Preludi del grande drama, p. 85.

защиты европейского мира и чехословацкого суверенитета в период Мюнхена был откровенно зафиксирован через некоторое время лидером наиболее реакционного крыла национал-либеральной партии и близким к королевскому двору человеком Г. Братиану. 22 мая 1939 г. он писал в газете «Universul»: «Позиция Румынии во время сентябрьского кризиса была вполне ясной. Она упорно сопротивлялась любой попытке превратить ее в дорогу для прохода Советской Армии».

Истинный смысл румынской внешней политики стал особенно очевиден в конце сентября 1938 г., когда по поручению короля маршал двора Флондор во время встречи с германским посланником пытался выяснить возможности установления дружественных отношений между Румынией и Германией. 29 сентября Фабрициус телеграфировал в Берлин: «По-моему, этот демарш является предварительным зондажем со стороны короля относительно того, готовы ли мы и в какой степени помочь Румынии против Советской России. Король все больше и больше осознает, что помощь Франции становится все более призрачной и что хорошие отношения с Германией могут защитить его также и от венгерских реваншистских устремлений. Но он не считает возможным сделать более решительный шаг к сближению с германским рейхом, пока мы не обеспечим защиту Румынии от Советской России»⁴⁶. Он не хочет, продолжал посланник, слишком быстрым сближением с Германией испортить отношения с Францией и особенно с Англией. Румынские буржуазные политики стремились получить от Гитлера гарантии неприкосновенности границ королевской Румынии. Касаясь этой проблемы, посланник писал, что о такого рода гарантиях, вероятно, не может быть и речи, поскольку едва ли целесообразно проливать немецкую кровь на Днестре за румынские интересы, к тому же германские гарантии Румынии рассматривались бы Венгрией и Болгарией как недружественный акт. «Но мы можем — и это соответствует нашей теперешней программе, — советовал Фабрициус, — помочь Румынии значительным количеством вооружения, возможно, большим, чем до сих пор давали, поставками самолетов, зенитной артиллерии и оборудования для ее военной промышленности. С этой целью можно подумать о предоставлении значительных кредитов»⁴⁷.

Румыно-германские переговоры на протяжении длительного времени, а особенно в период чехословацкого кризиса, показывают, что тесные политические отношения между Румынией и гитлеровской Германией строились в основном на антисоветской основе, ибо СССР являлся главным препятствием в их захватнических устремлениях, нашедших свое отражение, в частности, в румынской буржуазной прессе и выступлениях тогдашних руководителей Румынии⁴⁸. Антисоветская направленность политики румынских правящих кругов и их стремление к сближению с фашистской Германией накладывали заметный отпечаток и на румыно-венгерские отношения. Когда клика Хорти во всеуслышание заявила о притязаниях на часть чехословацкой территории, бухарестские политики вопреки интересам мира в Европе повели сложную и опасную игру. Не поддерживая полностью все венгерские требования, румынские власти не возражали, однако, против передачи Венгрии части чехословацкой территории. Румынские политики боялись лишь того, что оккупация Словакии и Закарпатской Украины, на которые претендовал Хорти, слишком усилила бы Венгрию и создала бы условия для пересмотра Трианонского договора⁴⁹.

В порядке выполнения рекомендаций Мюнхенской конференции

⁴⁶ Здесь имеется в виду дальнейшее сохранение оккупации Бессарабии королевской Румынией.

⁴⁷ DGFP. Ser. D. Vol. V, pp. 308—310.

⁴⁸ См. С. Э. Левинт. Указ. соч., стр. 208—210; «Curentul», 4.XI.1938.

⁴⁹ N. P. Cotrone. *Preiudi del grande dramma*, p. 110.

2 ноября 1938 г. в Вене представителями германского и итальянского правительств (Англия и Франция от дальнейшего участия в решении судьбы Чехословакии устранились) была разыграна комедия так называемого арбитража. Не законченное мюнхенцами дело расчленения Чехословакии было продолжено. В соответствии с решением «арбитров» хортистам были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины (с городами Кошице, Мукачево, Ужгород). Польский министр иностранных дел Ю. Бек (приезжавший в середине октября 1938 г. в Галац для встречи с королем) призвал к участию в дележе Чехословакии и Румынию. Но последняя отказалась. Румынские историки рассматривают это решение короля не иначе, как проявление союзнического долга Румынии перед Чехословакией⁵⁰. Но с такой трактовкой вряд ли можно согласиться, ибо все акции румынской дипломатии на протяжении мюнхенского периода говорят об обратном. К тому же неучастие в дележе Чехословакии не есть еще выполнение союзнических обязательств. Отклонение предложения Бека объяснялось не проявлением дружественных чувств румынских буржуазных политиков к чехословацкому народу, а их нежеланием удлинять румыно-венгерскую границу еще на 100 миль⁵¹, а также стремлением короля угодить Гитлеру. Кароль II надеялся, что северо-восточная часть Закарпатской Украины, на которую, по мнению польского МИД, могла бы претендовать Румыния, окажется в составе рейха, и проходящая по ней железная дорога обеспечит прямую связь Румынии с фашистской Германией. Король не мог не знать, что закарпатский коридор даст фашистам выход не только к Советской Украине, но и к границам Румынии. Но, как видно, короля это не тревожило. Докладывая о замыслах румынского правительства, Фабрициус 28 октября 1938 г. писал в Берлин, что Г. Братиану по поручению короля «хочет обратить наше внимание на необходимость сохранения коридора, который отделял бы Польшу от Венгрии и гарантировал бы наиболее безопасную связь между Германией и Румынией через чехословацкую территорию. В случае, если Польша и Венгрия будут иметь общую границу, то они отрежут нас (от Румынии.— А. Ш.)»⁵².

Мюнхенское соглашение и последовавшее за ним расчленение Чехословакии имели далеко идущие последствия для внутренней и внешней политики Румынии. Оказавшись в полной изоляции, ее правящие классы решили искать выход из создавшегося положения в постепенном отходе от ориентации на Англию и Францию, в дальнейшем сближении с фашистскими государствами, укреплении союзнических отношений с санационной Польшей на антисоветской основе и активном служении захватническим планам Гитлера на Востоке.

Иную позицию заняли прогрессивные силы Румынии. Понимая, что страна оказалась перед национальной катастрофой, они открыто выступили против предательской политики своих правителей и предупреждали свой народ, что судьба Румынии и всех стран Балканского полуострова тесно связана с судьбой Чехословакии. Компартия Румынии призвала к единению и укреплению патриотических сил, к созданию антифашистского военно-политического союза, который стал бы преградой на пути агрессии. «Единственной надеждой,— указывала она,— могущей преградить путь разбойничьим актам гитлеризма, является создание сильного блока государств, которым угрожают империалисты из Берлина... Необходимо заключить тесный политический и военный союз с Советским Союзом — государством, мирная политика которого защищает независимость всех малых государств Центральной и Юго-Восточ-

⁵⁰ El. Ciobănu. In legatură cu poziția României față de Cehoslovacia în perioada «Münchenului». «Analele», 1966, № 1, pp. 99—100; E. Campuș. Mica înțelegere. București. 1968, pp. 326—327.

⁵¹ «Survey of International Affairs, 1938». Vol. II, p. 92.

⁵² DGF.P. Ser. D. Vol. V, p. 324.

ной Европы»⁵³. Но предупреждения патриотических сил и их призывы к действию не были услышаны бухарестскими правителями, продолжавшими проводить антисоветскую и прогерманскую внешнюю политику. Румынские власти не хотели сотрудничать с СССР. В последующий период антисоветская политика румынского правительства все более усиливалась, что подтверждают, в частности, документы о встрече короля с президентом Турции в августе 1939 года. Кароль II заявил Исмету Иненю, что даже при искреннем желании Советского правительства защитить Румынию от агрессии он не допустит Красную Армию на румынскую территорию и не пойдет на заключение договора о взаимопомощи с СССР⁵⁴.

Миролюбивая политика СССР, направленная на сохранение мира в Центральной и Юго-Восточной Европе, была не по душе бухарестским правителям, ибо «реакционная Румыния,— как отмечает румынский историк Ж. Бендистер,— видела в войне (против СССР.— А. Ш.) выход из создавшегося для нее положения. Одним из этапов подготовки этой войны являлось уничтожение Чехословакии, и поэтому, отказываясь пропустить советские войска через территорию страны (или через ее воздушное пространство), правящие круги поддерживали гитлеровскую агрессию против чехословацкого народа»⁵⁵. Предательский акт, совершенный руководящими кругами Англии и Франции в Мюнхене, был воспринят официальным Бухарестом, румынской реакцией с восторгом. Пресса — от фашистской до буржуазно-либеральной — состязалась в славословии по адресу руководителей «западных демократий», германских и итальянских фашистов. Раздел Чехословакии и выход гитлеровской армии на рубежи, расположенные вблизи границ Советского Союза, преподносились румынскому народу как «победа разума над злом», как «торжество мира». Руководящие круги национал-либеральной партии подчеркивали, что «8 часов дискуссии (в Мюнхене.— А. Ш.) уладили конфликт, который мог бы вызвать трехлетнюю войну, и что использованные методы были новыми и эффективными»⁵⁶.

Румынская реакционная правящая верхушка не хотела понять, что нападение фашистской Германии на СССР представляет смертельную опасность и для румынского суверенитета, в становлении которого в свое время (в 1877—1878 гг.) огромную роль сыграла Россия. Преследуя свои империалистические цели, правящие круги Румынии охотно пошли на сделку с германским фашизмом, поскольку классовая ненависть к Стране Советов исключала трезвую оценку создавшейся международной обстановки. Руководящим началом для правителей Румынии стало заявление короля, что «он скорее предпочитает увидеть немцев своими врагами, чем русских друзьями»⁵⁷. Исходя из этого, они в конце концов втянули страну в антисоветскую войну. Лишь в результате сокрушительного разгрома фашизма Советской Армией в ходе второй мировой войны в Румынии пала фашистская диктатура, и румынский народ получил возможность взять свою судьбу в собственные руки.

⁵³ «Documente din istoria PCR». București. 1953, p. 318.

⁵⁴ См. Б. М. Колкер. К вопросу о провозглашении Румынией нейтралитета в начале второй мировой войны. «Известия» АН МССР. Кишинев. 1966, № 2, стр. 30—31.

⁵⁵ «Studii», 1956, № 5, p. 19.

⁵⁶ «L'indépendance Roumaine», 4.X.1938.

⁵⁷ DGFP. Ser. D. Vol. V, p. 310.